

Куксо Ксения Александровна

ВРАЧ В ПОЛИСЕ: КОЛЛЕКТИВНАЯ РЕЦЕПЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

В статье проводится анализ институтов социального признания медиков в классический период античной истории. На материале античных греческих свидетельств определяются характер медицинского участия и его роль в интеллектуальных и повседневных практиках классической Греции. Исследуя социальные реакции на врачебную помощь, автор показывает, в каких формах греческое сообщество закрепляло авторитетность профессиональной медицины, и раскрывает значимость уяснения специфики коллективной рецепции фигуры врача для понимания культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 106-108. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

28. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. СПб.: Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2004. 224 с.
29. Певзнер А. Г. Понятие и виды субъективных гражданских прав: дисс. ... к.ю.н. М., 1961. 242 с.
30. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2003. 352 с.
31. Рождественский А. А. Теория субъективных публичных прав. М., 1913. 300 с.
32. Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 638 с.
33. Тархов В. А. Гражданское правоотношение: монография. Уфа: УВШ МВД РФ, 1993. 124 с.
34. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 88 с.
35. Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю. Новое определение субъективного права и злоупотребление им. Волгоград: ВА МВД России, 2009. 248 с.
36. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 351 с.
37. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 72 с.
38. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. 556 с.
39. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. 212 с.

SUBJECTIVE CIVIL LAW: HISTORY OF NOTION DEVELOPMENT IN CIVIL DOCTRINE

Kravchenko Aleksandr Aleksandrovich

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
a.a.kravchenko88@gmail.com*

The article considers the gradual formation of the main approaches to subjective civil law in national civil science. The views of the scientists of pre-revolutionary, Soviet and modern periods are analyzed and summarized. The author identifies the basic theories of the essence of subjective civil law (of will, interest, contrasting duty to subjective law, positive actions, normativist, synthetic), and also the problems of this notion definition (the doubling of categories, the formation of the definition without taking into account the kind and specific difference of the phenomenon).

Key words and phrases: subjective civil law; will; interest; legal relations; legal capacity.

УДК 130.2:172

Философские науки

В статье проводится анализ институтов социального признания медиков в классический период античной истории. На материале античных греческих свидетельств определяются характер медицинского участия и его роль в интеллектуальных и повседневных практиках классической Греции. Исследуя социальные реакции на врачебную помощь, автор показывает, в каких формах греческое сообщество закрепляло авторитетность профессиональной медицины, и раскрывает значимость уяснения специфики коллективной рецепции фигуры врача для понимания культуры.

Ключевые слова и фразы: античная греческая медицина; статус медика; коллективная рецепция; социальное признание; неоднородная группа врачей.

Куксо Ксения Александровна, к. филос. н.

*Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна
korsbai@mail.ru*

ВРАЧ В ПОЛИСЕ: КОЛЛЕКТИВНАЯ РЕЦЕПЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ[©]

Статья посвящена чувственности греческого социума классического периода в отношении медиков. Данный интерес требует уточнения: реконструкция сложных по своему составу социальных реакций на не приводимые к содержательному единству врачебные практики полностью лишена пафоса «антикварной истории». Позитивистская в технике исполнения дескрипция коллективного восприятия специализированной медицинской помощи и ее объективаций в институтах социального признания обнаруживает степень включенности медицины в коллективную этику и тем самым приводит к глобальному историко-культурному выводу. Исследование социальных реакций на группу врачей – это всегда отчет об этической легитимности в культуре физических способов преодоления страдания.

Социальная история демонстрирует, что последние могут выступать культурной нормой, задавая исходный вектор человеческого самосознания. Но возможна и иная ситуация: медицинская помощь может отправляться в качестве предельно косвенной культурной практики, а терапия – не оказывать влияния на осознание страдания и смерти. Так, очевидно, что мы имеем дело с принципиально разными физиогномиками культур, одна из которых включает медицину в жизненную повседневность и наделяет врачей правом брать лучшие части жертвенных животных (Греция классического периода) [2, с. 184], а другая – поощряет медицинское участие лишь по мере необходимости и презирует носителей врачебных навыков, делая исключение только для государственных врачей (Рим до правления Юлия Цезаря) [10, с. 2-8]. Отсюда – аура врача, определенная форма

организации коллективных аффектов вокруг его фигуры: врач – интимнейший друг, кормчий повседневности или объект социального недоверия, тот, кто «дал клятву извести римский народ» (Катон Старший [12, р. 193]). Эту аффективную ауру врача на примере греков классической эпохи и предстоит уяснить.

В греческом понимании врач – это наставник форм жизни, нацеленных на благоденствие; он есть «очиститель», проводник катартики существования. Так, в гиппократовской трактовке врачебное мастерство как восстановление полноты телесной жизни стартует с обнаружения понятия наилучшего для нее; найденное понятие телесного блага при этом соотносится со случаем конкретного пациента и с текущим периодом его болезни. Поиск данного понятия представляет собой алетическую процедуру. На эту неотъемлемость от медицины процедур мышления благодарно отреагировало греческое сообщество, наделив медика авторитетной ролью в организации повседневности и в интеллектуальных практиках. Движение мысли врача стало хорошим подспорьем для разрешения обыденных проблематизмов: медицинскими воззрениями греки руководствовались буквально на каждом шагу. Так Федр, не задумываясь, объясняет Сократу свое намерение прогуляться за городской стеной наставлениями врача Акумена [9, с. 135]. Сам Сократ говорит о пользе медицинских знаний даже при покупке провианта у уличных торговцев [8, с. 195]. Интеллектуальный атлетизм медиков выступал и парадигмальным методом для принципиальных в греческом воспитании искусств: разъясняя природу красноречия, Сократ сравнивает его с врачеванием, а Федр отмечает неотъемлемость целостного умопостижения от медицинского подхода Гиппократовского [9, с. 181]. Аристотель упомянет врачебное превосходство Гиппократовского, разворачивая уже политическую аналогию: о наилучшем государстве можно заключать по его возможностям в том же роде, в каком «...Гиппократовского можно назвать большим как врача» [1, с. 596].

Античные греческие свидетельства фиксируют популярность медицины. На высокую востребованность греческих медиков указывает Гиппократ, замечая, что греки болели много и страшно. Бесплодие, выкидыши, многодневные лихорадки, нарушения пищеварения, водянка, дизентерия были их привычными спутниками [4]. О ней позволяет предположить и античная литература: жанры судебных речей, бытовой поэзии и прозы изобилуют примерами ситуаций, взывающих к медицинскому участию. Так, Демосфен упоминает факты бытового насилия [5, с. 116], а Геродот описывает безрассудство косских женщин в отношении даров покровителям медицины [3, с. 227, 230]. Яростный этос греков не только заложил в основание национальной истории пороховую бочку междоусобных войн, но и предопределил стабильность бытового насилия. Режим постоянных происшествий обусловил высокую занятость медиков.

В контексте греческой образованности с медиками соперничали многочисленные носители врачебных навыков. Уличные медицинские аттракционы ризотомов и фармакополов колоритно представляет Феофраст [11, с. 305, 298]. От Платона мы узнаем о врачах-рабах, восстанавливающих физический ресурс греческого населения. Его раздраженное замечание – они «снуют повсюду» [7, с. 172] – указывает на обилие последних. Один из гиппократиков упоминает и странствующих лекарей-софистов: «...[они] устраивают собрания... обманывают людей и переходят из города в город» [6, с. 69-70]. Но профессиональный медик не терялся в пестрой среде врачующих. Его отличало особое выражение сакральности своего ремесла. В качестве достойной платы за медицинское участие профессиональные врачи рассматривали не денежное вознаграждение, а славу. Гиппократовский корпус свидетельствует о характерной для них ставке на возмещение за оказанные услуги в бесценных реалиях славы, благородной памяти, коллективного почета. Перед нами реликт принципов архаической стратификации: за превосходящим в социальном плане статусом скрывается дар, собственной колоссальностью замыкающий на себе круг агональных дарообменов. Отрицая возможность материального ответа на него, инициатор такого утверждения собственное социальное превосходство.

Со временем греческое сообщество институализирует этот архаический заряд медицинской этики. В IV в. до н.э. учреждается выборная должность государственного врача, процедура получения которой включала в себя самопрезентацию претендентов и избрание путем голосования народного собрания одного из них. Существенно, что получение должности медика носило временный характер: через год на повторных выборах карьера избранного полисом врача оборачивалась либо утверждением специальной псефисмы – декрета, подтверждающего его мастерство, – либо бременем адоксии. В отношении врачей коллективный позор был тяжелей «злого стыда перед друзьями». Он имел необратимые следствия – изгнание из полиса, распространение дурной славы, что, в конечном счете, означало конец социальной карьеры. Недобросовестный врач автоматически становился врагом народа. Радикальные замечания позднего Платона позволяют предположить о напряженности коллективной воли в деле отмщения коварным врачам. Для коллективной расправы было достаточно козни медика в отношении не только разумных, но и животных душ: «...если кто применяет отраву... с целью нанести какой-то вред стадам или роям пчел, то, если отравитель будет врач... он будет наказан смертью» [7, с. 398]. Показательно, что Платон также приводит крайне детализированную систему наказаний для преступников от медицины. Даже при отсутствии ее верификации ее событие в дискурсе есть симптом паранойальной акцентуации греческой культуры. Представленная здесь разветвленность действий в отношении допустивших врачебную ошибку указывает на чрезвычайную степень страха, испытываемую греками перед возможным коварством врачевателей, и на сродство этого страха с ужасом перед ритуальной нечистотой: «Это касается и всех врачей, если против их воли умрет больной... Если же кто убьет кого-нибудь хоть и невольно, но собственноручно... тем, что даст ему что-нибудь выпить или съесть, а также тем, что прибегнет к огню или холоду или лишит человека дыхания... Если он убьет раба... он должен возместить хозяину умершего раба причиненный вред..., иначе ему придется в наказание в двойном размере оплатить стоимость умершего. ...Кто невольно убьет свободнорожденного человека, пусть прибегнет к тем же очищениям... Однако пусть он отнесется... с почтением к одному старинному поверью <...>: ...насилственно

умерщвленный человек... наводит страх на убийцу. ...Поэтому убийца должен уступить своей жертве и удалиться из всех родных для покойного мест его отечества на целый год. ...Кто добровольно повинуется этому закону, того ближайший родственник покойного... должен простить и вообще с ним примириться. Если же ослушник, который еще не очистился от убийства, посмеет отправиться в святилища и приносить жертвы да... не пожелает выдержать указанного срока отлучки, ближайший родственник покойного должен преследовать его по суду за убийство. В случае обвинительного приговора все меры наказаний удваиваются. Если же этот ближайший родственник не возбудит судебного преследования за произошедшее, то всякий желающий может возбудить против него дело...; в этом случае пусть он по закону покинет свое отечество на пять лет. Если [невольно убьет чужеземца] метек, пусть он удалится на один год; если же он просто чужеземец, то в случае убийства чужеземца, метека или же горожанина он должен помимо очищения на всю жизнь покинуть страну... Если же он... возвратится, пусть законодатели накажут его смертью, а имущество, какое у него есть, пусть передадут ближайшему родственнику пострадавшего» [Там же, с. 320-322].

Существенно, что фактический инструмент социальной гигиены, отбирая достойных медиков, эффективно задействовал архаическую машину стратификации. В греческом обычае получения должности врача на выборной основе она сработала с некоторым своеобразием. Помимо знаков коллективного признания славы и доброй памяти, греческое сообщество окружало своих врачующих героев немалыми почестями. За их виртуозную практику, во-первых, предусматривался щедрый гонорар: известно, что в состоятельных полисах врачебное ремесло оплачивалось лучше, чем высокооплачиваемый труд архитекторов [2, с. 195]. Во-вторых, освобождение от налогов на жительство и занятие ремеслом, право на частную и земельную собственность предусматривались для отличившихся мастерством врачей-метеков. В-третьих, на время возвращения последних в родные места, дабы предотвратить случайность возможного разбоя, к доблестным телам последних приставлялась охрана.

Итак, на авансцене греческой истории складывается изобретательная в средствах врачевания, великодушная в этосе и благородная в путях социальной карьеры фигура медика. Подобная уникальная связка добродетелей легла в основу медицинского субъекта. Он втянул в себя способности, оформленные в исторически не синхронных культурных пластах. Доблесть мышления, родственная сократическим процедурам, управляла всем корпусом профессиональной греческой медицины. Врачуя конкретное тело, медик приводил в правильную напряженность отдельный фрагмент ткани жизни. Ясно, что данная операция невозможна без понимания наилучшей формы согласованности круга всего живого. Именно схватывание устройства целостности отличало искусного врача. Эта процедура делала медика онтологом поневоле: работа с частным патологическим случаем принуждала его ощупывать план целостности жизни, который он сопоставлял с единичной историей больного. Отворачивание от любых оскверняющих этос жизненных обстоятельств проявилось в нем в результате почитания религиозных истоков своего ремесла. Социальной позицией, пренебрегающей материальной выгодой ради спиритуального компонента господства – славы, он обязан архаической машине стратификации. Для понимания оригинальности греческой медицины этот неординарный конгломерат способностей представляется отпавшим.

Список литературы

1. **Аристотель.** Политика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
2. **Блаватская Т. В.** Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М.: Наука, 1983. 323 с.
3. **Герод.** Жертвоприношение Асклепию // Менандр. Комедии. Герод. Мимиамбы. М.: Искусство, 1984. 293 с.
4. **Гиппократ.** О воздухе, водах и местностях // Гиппократ. Этика и общая медицина. СПб.: Азбука, 2001. 351 с.
5. **Демосфен.** Речь XLVII. Против Эверга и Мнесибула по обвинению в лжесвидетельстве // Демосфен. Речи: в 3-х т. М.: Памятники исторической мысли, 1994. Т. 2. 544 с.
6. **О благоприличии** // Гиппократ. Этика и общая медицина. СПб.: Азбука, 2001. 351 с.
7. **Платон.** Законы // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 4. 830 с.
8. **Платон.** Протагор // Платон. Сочинения: в 3-х т. М.: Мысль, 1968. Т. 1. 623 с.
9. **Платон.** Федр // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
10. **Стрельцов А. А.** Врачи у древних римлян: эпиграфические очерки. М.: Либроком, 2012. 152 с.
11. **Феофраст.** Исследование о растениях. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 589 с.
12. **Pliny.** Natural History: in 10 volumes / with an English translation. L.: William Heinemann, Ltd., 1963. Vol. VIII. Libri XXVIII-XXXII. 597 p.

DOCTOR IN POLIS: COLLECTIVE RECEPTION OF MEDICAL PRACTICE IN CLASSICAL GREECE

Kukso Kseniya Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy
 Saint Petersburg State University of Technology and Design
 korsbai@mail.ru

The article analyzes the institutions of the social recognition of doctors in the classical period of antique history. By the material of the ancient Greek evidence the author identifies the nature of medical participation and its role in the intellectual and everyday practices of classical Greece. Studying social reactions to medical care, the author shows in what forms the Greek community perpetuated the authority of professional medicine, and reveals the importance of understanding the specificity of the collective reception of the doctor's figure for culture understanding.

Key words and phrases: ancient Greek medicine; doctor's status; collective reception; social recognition; heterogeneous group of doctors.